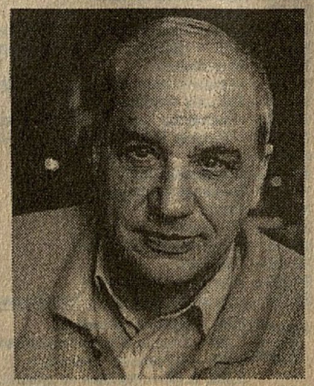
26.10.96

190

Сухарев Дмитрий



Золотая кассета Дмитрия СУХАРЕВА

Веч. клуб. - 1996 - 26 окт. - с. 8.

Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое Отечество

Листая пропущенные номера "Нового мира", я наткнулся на замечательно дурацкие суждения одного ученого автора. Изъясняется он коряво, но понять можно:

"... Стихи, песни и рассказы, принадлежащие многим нашим талантливым литераторам (например, Б. Окуджаве и В. Высоцкому) и поэтизирующие дворовый, коммунальный быт, представляются мне отвлеченными, имеющими весьма малое отношение к реальности ностальгическими рефлексиями. Очень трудно, если вообще возможно, вообразить себе, допустим, Алексея Толстого, Михаила Булгакова или Михаила Зощенко (не говоря уж о таких сполна хлебнувших коммунального лиха поэтах, как О. Мандельштам и А. Ахматова) восторгающимися дворами и коммуналками и ностальгирующими по поводу их исчезновения. Эти и многие другие писатели, будучи по природе своей представителями подлинной, а не псевдогородской культуры, на дух не переносили советской коммунальности, являвшейся для них свидетельством крушения цивилизационных ценностей и торжества варварства и хамства." (НМ, 1994, № 12, с.173).

Лихо, правда? Но не надо, не надо расстраиваться. Лучше вспомним самого Булата Шалвовича:

Как наш двор ни обижали —
он в классической поре.
С ним теперь уже не справиться,
хоть он и безоружен.

Думаю, что явление дворового братства имело место на всем пространстве Отечества. Но, кажется, только в Москве оно так полно выразило себя в стихах и песнях. Что ни автор, то стихи с пропиской, клятва верности, обращение к сверстнику: помнишь?

А помнишь, друг, команду с нашего двора,
Послевоенный над веревкой волейбол?

Это Визбор, его сретенский двор. Визборовской бельевой веревкой повязаны у нас поэты нескольких поколений.

Помнишь, во двориках русских
мальчики, дети химер,
скверный портвейн без закуски
пили за музыку сфер?
Перегорела обида.
Лопнул натянутый трос.
Скверик у здания МИДа
пыльной полынью зарос...

Это Бахыт Кенжеев, он Визбору годится в сыновья. В том же стихотворении сказано: "Вот и уходит эпоха тайной свободы твоей".

Тайная свобода, именно так! Блоковский термин пришелся к месту.

Ушла эпоха, уехал наш Бахыт, живет в Монреале. Теперь у него вагон нетайной свободы, персональный камин и широкий выбор нефальсифицированных напитков.

И осеняет лишь теперь —
меня, уехавших, ушедших —
та наша арка, словно дверь
времен живых и сумасшедших.
Замоскворецкие цветы,
осенний палисадник яркий,
и церковь тихой красоты,
и мы во дворике под аркой.

А это Владимир Бережков, бард, который остался со своей Москвой. Это его двор, его малая родина Кадаши.

Что касается новомировского разумника... Кто же спорит, в отдельной квартире куда комфортней, чем в коммуналке. А в окопе комфортно? Гранатами тебя забрасывают, танками давят, и никакого тебе кофию с рогаликом. Но неизменно ностальгируют те, кто познал окопное братство, а не эти, отсидевшиеся в тылу. Эти всю оставшуюся жизнь извиваются ужами, стихов и песен не пишут — бесплодны.

А комфортно ль скитаться по чужим углам, как это было у Ахматовой и Мандельштама? Но Ахматова царственно закрыла вопрос:

Я тогда была с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Да у любого истинного поэта несложно найти похожие по смыслу строки. Вот хоть Борис Чичибабин, святой человек:

Я был одно с народом русским.
Я с ним ютился по баракам,
леса валил, подсолнух лускал,
канавы рыл и правду брякал.
На брюхе ползал по-пластунски
солдатом части минометной...

Другой замечательный поэт, Николай Панченко, довел формулу до предельной точности:

Мы были тогда не с народом,
Мы были народом тогда.

Всё предельно просто. Поэты были народом, их королева была с народом. Такая была эпоха. Барак, двор, окоп, коммуналка служили правде, свободе, культуре, а квартира и дача были знаком варварства и хамства, как сейчас особняк и "мерседес". Чего тут не понять? Советское начальство не жалело ни теплых туалетов, ни сытного харча для преданной своей обслуги, особенно для шлюх. И нечего подверстывать Ахматову к советскому писателю А.Н. Толстому. Тот точно общей доли не хлебнул, в коммунальных вонючих сортирах орлом не сиживал, вёл себя прилежно, чтобы власть его любила. Она и любила.

Юнцу бы простительно судить о прошлом своего народа с позиции инопланетянина. Но есть у меня подозрение, что вовсе не юнец писал цитированное сочинение — есть в нем ключевая обмолвка: "В свое время автору этих строк привелось пообщаться с рядом видных деятелей государства и партии". Вам, читатель, "привелось"? Полагаю, что нет. Мне тоже. То-то и оно. Ведь даже про действительно умного, образованного Гайдара в народе нашем умном говорят: этот мальчик не жил в коммуналке. И я тоже, питая к Егору Тимуровичу симпатию и сочувствие, сознаю его обделенность. Не было у Егорки визборовского двора. А был бы, так, может, и не обернулись бы прекрасные либеральные идеи куражом ворюг.

Прощай, двор!

Прощайте, визборовская Сретенка, подземелья дидуровской Самотёки, Арбат Булата!

Вы были нашей родиной — местом, где формируют характер, познают азы любви, ускользают от власти, вершат моральный суд, открывают этническое и социальное многообразие мира, принимают культурное наследие, делятся последним куском. Вы были всем, а теперь вас нет.

Но разве это может куда-то исчезнуть? Разве лермонтовский кремнистый путь уж не блестит, как прежде, сквозь туман? Разве властны над этим годы, лом, писаки?

Песенка об Арбате

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах Арбат, мой Арбат, ты —
мое призвание,
ты — и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои — люди не великие,
каблуками стучат — по делам спешат.
Ах Арбат, мой Арбат, ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любови твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.
Ах Арбат, мой Арбат, ты —
мое Отечество,
никогда до конца не пройти тебя.